

П. Казанский

**Право и нравственность, как
явления всемирной культуры**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Казанский**
Право и нравственность, как явления всемирной культуры / П. Казанский –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 48 с.

ISBN 978-5-458-54759-8

Современная библиотека. №13. Право и нравственность, как явления всемирной культуры.

ISBN 978-5-458-54759-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

настоящемъ, какъ и въ прошедшемъ и будущемъ. Такими-же историческими всемірными явленіями и понятіями надо считать нынѣ и право и нравственность.

Понятно, какія трудности должно представлять, при этихъ условіяхъ, обобщеніе отдѣльныхъ мнѣній, которыя высказывались по занимающему ихъ вопросу разными лицами въ разные времена и въ разныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, размы ставимъ себѣ общій вопросъ о томъ, что такое право и что такое нравственность, мы должны взглянуть на нихъ, именно какъ на явленія всемірной исторіи человѣчества.

Огмѣтимъ эту точку зрѣнія! Это та именно сторона вопроса, которую намъ подлежитъ освѣтить, поскольку это возможно сдѣлать здѣсь.

Мы должны прослѣдить обобщающую, идущую къ извѣстной цѣли историческую работу всемірной общественной мысли въ области указанныхъ вопросовъ, провѣрить и выразить заключенія, къ которымъ она пришла. Если мы не найдемъ ошибокъ въ этой работѣ, мы должны будемъ согласиться съ выводами, сдѣланными ею; если-же окажется, что въ основаніи ея лежатъ соображенія, имѣющія значеніе, мы должны будемъ принять ихъ, какъ полезное пріобрѣтеніе для нашихъ знаній.

Съ этой цѣлью слѣдуетъ установить, какія явленія вообще относились и относятся къ изучаемымъ общественнымъ, всемірно-историческимъ понятіямъ, какіе признаки выставлялись и выставляются, какъ составныя части этихъ понятій, соотвѣтствуютъ ли эти признаки этимъ явленіямъ, не слѣдуетъ ли отбросить какіе-либо изъ этихъ признаковъ, или изъ этихъ явленій, или, наоборотъ, прибавить къ тѣмъ, или другимъ нѣчто новое, именно для того, чтобы опредѣленія, ко

торыхъ мы ищемъ и которыя должны указывать признаки изучаемыхъ явленій, отвѣчали дѣйствительно существующимъ отношеніямъ, чтобы они были логически правильны,—это во-первыхъ.

А во-вторыхъ, должно установить, имѣется-ли теоретическая и практическая надобность въ провѣренныхъ такимъ путемъ понятіяхъ, могутъ-ли они примкнуть къ тѣмъ, которыя уже находятся въ нашемъ распоряженіи, можемъ ли мы воспользоваться ими въ нашей повседневной жизни, словомъ, надо изслѣдовать, было-ли и есть-ли основаніе для того, чтобы они были созданы?

Въ концѣ подобной работы, продѣлывать которую здѣсь не у мѣста, у насъ получаются слѣдующія обобщенія, не заключающія въ себѣ, какъ намъ кажется, логическихъ ошибокъ, и представляющія цѣнное пріобрѣтеніе для нашихъ знаній и для практикѣ каждого текущаго дня.

II.

Человѣкъ не можетъ жить и дѣйствовать безъ соблюденія различныхъ правилъ, которыя помогаютъ ему разобраться, найти дорогу среди безчисленныхъ обстоятельствъ и сложныхъ отношеній его существованія. Жизнь и дѣятельность современнаго человѣка вращается среди необъятнаго множества всевозможныхъ правилъ, предписаній, законовъ и т. д. Они предусмотрѣли кажется, каждый шагъ нашъ и на всякій случай жизни дали соотвѣтствующее указаніе. Каждая минута проходитъ по тому, или другому правилу.

Дѣйствительно, оглянемся ва себя, вспомнимъ, хотя бы, нашъ сегодняшній день, онъ весь прошелъ по извѣстнымъ правиламъ. Прежде, чѣмъ

мы встали съ постели, какъ всегда, проснулась првслуга и произвела обычныя работы. Если мы религіозны, мы начали свой день обращеніемъ къ Богу, каждый по обрядамъ своей вѣры. Затѣмъ нашъ день наполнила забота о здоровьѣ, о матеріальномъ благополучіи, о лежащихъ на насъ семейныхъ, общественныхъ, служебныхъ обязанностяхъ, о лицахъ, близкихъ намъ, и постоянно, и во всѣхъ случаяхъ мы дѣйствовали и жили сегодня, въ общемъ, совершенно такъ, какъ вчера, руководимые усвоенными нами, или обязательными для насъ правилами.

Правила опредѣляютъ и крупныя факты, и мелочи нашей жизни и дѣятельности, вторгаются въ интимную вашу жизнь, слѣдуютъ за нами и тогда, когда мы остаемся воедино съ собой, паче всего съ своею совѣстью. Они занимаются тѣми чувствами, которыя мы питаемъ къ другимъ людямъ, они слѣдятъ за нашими помыслами и тайными дѣлами...

Что же такое эти правила? Почему въ нихъ такая надобность?

Жизнь наша и наша дѣятельность слагаются, въ большой мѣрѣ, изъ явленій, постоянно повторяющихся. Одинъ нашъ годъ, одинъ нашъ день похожъ на другой годъ и на другой день. Такими же постоянствомъ отличаются и тѣ главныя жизненныя цѣли, которыя мы преслѣдуемъ.

Одинъ стремится разбогатѣть, другой находитъ свое благо въ развитіи своихъ духовныхъ силъ, третій отдается служенію бѣднымъ и несчастнымъ, четвертый ищетъ власти и т. д. Обыкновенно, у каждаго имѣется нѣсколько основныхъ и постоянныхъ цѣлей, на преслѣдованіе которыхъ разбивается его жизнь и дѣятельность, и великое множество цѣлей второстепенныхъ и временныхъ.

Такъ вотъ, съ точки зрѣнія этихъ постоянныхъ цѣлей, въ одинаковыхъ случаяхъ жизни и дѣятельности возможенъ только опредѣленный образъ дѣйствія. Выраженіе въ предложеніи, въ словахъ, этого необходимаго образа дѣйствія и составляетъ то, что называется правиломъ. Правильно то, что прямо и полно ведетъ къ цѣли. Неправильно то, что ведетъ къ ней неполно и непрямо. Правило есть прямой путь къ тому именно, чего мы ищемъ.

Правила освобождаютъ человѣка отъ необходимости каждый разъ снова обдумывать одни и тѣ же случаи и предохраняютъ его отъ возможныхъ при этомъ ошибокъ. Они помогаютъ ему идти прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ тѣмъ постояннымъ цѣлямъ, которыя онъ преслѣдуетъ. Среди этихъ-то правилъ и надо искать права и нравственности.

Право и нравственность, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія наукъ общественныхъ, прежде всего—правила. Но не всѣ правила, по которымъ течетъ наша жизнь и развивается наша дѣятельность, носятъ нравственный или юридическій характеръ. Тѣ, которыя называются религіозными заповѣдями, должны быть первыя оставлены въ сторонѣ.

Въ прежнее время къ религіознымъ правиламъ относились и предписанія нравственности, и законы (вспомните законы Моисея), и даже разныя научныя и практическія свѣдѣнія. Въ наше время подъ религіозными правилами въ собственномъ смыслѣ слова понимаютъ только тѣ, которыя опредѣляютъ наше отношеніе къ Богу, къ таинственному началу вселенной.

Правила этого рода предписываютъ намъ говорить установленныя слова молитвы, производить извѣстныя дѣйствія, зажигать свѣчи и ку-

рить ладаномъ, надѣвать на себя разныя одежды и т. д. Слѣдуютъ имъ потому, что видятъ въ нихъ велѣнія божества и хотятъ заслужить благоволенія его.

Въ сторонѣ же должны быть оставлены разные научныя и практическія совѣты и указанія, которые научатъ насъ, какъ управлять внѣшней природою, заставлять ее служить намъ. Къ правиламъ этого рода относится большинство предписаній, которымъ мы обыкновенно слѣдуемъ. Одни изъ наиболѣе близко касающихся насъ—правила гигиены, указывающія намъ, какъ быть здоровыми, сильными,—правила, которыя предписываютъ дышать чистымъ воздухомъ, употреблять умеренную пищу, одѣваться соотвѣтственно погодѣ и т. д. Всѣ эти правила,—не право и не нравственность.

Право и нравственность надо искать среди правилъ общественныхъ отношеній, т. е. отношеній людей между собою. Въ этомъ смыслѣ и право и нравственность относятся къ общественнымъ явленіямъ. Если мы представимъ себѣ человѣка, постоянно живущаго въ одиночествѣ, какого-нибудь несчастнаго, всю свою жизнь не видавшаго людей, для него не будетъ существовать ни правилъ нравственныхъ, ни правилъ правовыхъ.

Подобный случай, впрочемъ, невозможенъ въ дѣйствительности. Человѣкъ не можетъ существовать безъ общества себѣ подобныхъ; внѣ общества другихъ людей, онъ лишается всѣхъ тѣхъ духовныхъ и физическихъ качествъ, которыя дѣлаютъ изъ человѣка — человѣка, и падаетъ ниже животнаго. Человѣкъ, по выраженію Аристотеля, *ζῷον πολιτικόν*, существо „гражданственное“, а, слѣдовательно, и нравственное, и правовое, потому что, какъ мы вскорѣ увидимъ, право и нравственность необходимыя условія существованія человѣка въ обществѣ. ✓

III.

Если мы, имѣя въ виду различныя начала нашей обыденной жизни, ограничимся кругомъ общественныхъ отношеній, то, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе тѣ правила, которыми мы свободно слѣдуемъ потому, что убѣждены въ ихъ необходимости, т. е., въ ихъ согласіи съ постоянными цѣлями нашей жизни, поскольку эти цѣли осуществляются въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Эти правила — снатилище нашей личности. Это наша личная нравственность, или просто нравственность. Основныя начала нашей жизни и дѣятельности, дающія общее направленіе нашимъ отношеніямъ къ людямъ, свободно принимаемыя и исполняемыя, называются нравственными.

Мы слѣдуемъ правиламъ нравственности свободно, по убѣжденію въ ихъ правотѣ, въ ихъ истинности. Кромѣ подобныхъ правилъ общественныхъ отношеній, какъ мы увидимъ изъ второй половины настоящей статьи, имѣются и другія, которымъ мы должны слѣдовать, даже, если не исполнѣ или вовсе не убѣждены въ ихъ необходимости. Это правила — права, признакомъ ихъ является не свобода, а принужденіе.

Предписанія нравственности о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ другимъ людямъ, узнаемъ мы, первоначально, изъ опыта жизни и мысли людей, которые жили раньше насъ, обыкновенно, изъ какой-нибудь готовой системы нравственности. Люди такъ схожи между собою, что, живя въ одинаковыхъ условіяхъ мѣста и времени, не могутъ не имѣть однѣхъ и тѣхъ же основныхъ цѣлей и однихъ и тѣхъ же нравственныхъ воззрѣній.

Такъ, въ настоящее время, всюду на землѣ, даже среди народовъ нехристіанскихъ, торжествуетъ христіанская нравственность. Главное отличіе ея отъ нравственныхъ ученій мусульманскаго, языческихъ и другихъ состоитъ въ томъ, что она признала нравственное единство всѣхъ людей, отвергла идею народа избраннаго, со всѣмъ ея послѣдствіями. Она указываетъ намъ одинъ и тотъ же путь къ благу въ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, безъ различія ихъ національности. Эта нравственность торжествуетъ потому, что она отвѣчаетъ современнымъ условіямъ міровой жизни.

Несмотря на необходимость подобнаго заимствованія, нравственность остается, въ принципѣ, системой пачалъ, свободно принимаемыхъ и свободно выполняемыхъ каждымъ. Поэтому, пользуясь опытомъ предшествующихъ поколѣній и другихъ людей, каждый вноситъ въ него разныя измѣненія, сообразно тому, какъ для него представляются основныя цѣли жизни. Создаетъ на этомъ основаніи свое собственное святилище.

Поэтому-то и среди христіанъ такъ велики различія въ нравственныхъ требованіяхъ къ отдѣльнымъ случаямъ отношеній между людьми. Даже по такому крупному вопросу нравственности, какъ лишеніе другого человѣка жизни, одни проповѣдуютъ отмѣну смертной казни, всеобщій миръ и пр.,—и голоса въ этомъ смыслѣ, къ счастью, особенно часто и убѣжденно раздаются въ Россіи,—другіе, и даже цѣлые народы, притомъ передовые, не стыдятся примѣнять смертную казнь даже за преступленія общаго характера, проповѣдывать въ международныхъ отношеніяхъ культъ кулака, закованнаго въ броню, и т. п.

IV.

Откуда-бы ни происходили тѣ или другія начала нравственности, они должны быть свободно приняты нами и свободно выполняемы, только въ такомъ случаѣ они носятъ нравственный характеръ. Признакъ свободы самоопредѣленія и дѣятельности есть существенный признакъ нравственности. Лицо, дѣйствующее по указаніямъ другихъ и особенно по принужденію со стороны другихъ, мы не считаемъ нравственнымъ. Оно поступаетъ или безразлично въ нравственномъ отношеніи, или безнравственно. Вспомните евангельскихъ фарисеевъ. Они, по наружности, исполняли все, что слѣдуетъ, но какъ караль ихъ своимъ словомъ великій учитель нравственности!

Нравственнымъ мы считаемъ только того человека, который поступаетъ по свободному убѣжденію въ своей правотѣ, даже наперекоръ давленію со стороны. Какое нравственное обаяніе имѣютъ въ нашихъ глазахъ мученики давно минувшихъ вѣковъ, Бруно, Гусъ и др., шедшіе на смерть за свои убѣжденія, убѣжденія столь далекія, столь чуждыя, непонятныя для современныхъ поколѣній. Обаяніе въ нашихъ глазахъ имѣютъ, конечно, не эти непонятныя убѣжденія, а гордый свободный образъ дѣйствія героев.

Нашему нравственному обсужденію подлежитъ все, даже поступки, о которыхъ никто не знаетъ, и никогда ничего не узнаетъ. Оставаясь наединѣ со своею совѣстью, мы судимъ себя и за то, за что другіе могутъ воздавать намъ хвалу. И здѣсь проявляется признакъ свободы, характеризующій нравственность. Поэтому, можно сказать, что нравственность опредѣляетъ отношеніе человека къ самому себѣ, т. е. къ тѣмъ основнымъ цѣлямъ,

которыя онъ преслѣдуетъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Въ этомъ смыслѣ правъ Кавелинъ, когда говоритъ, что нравственность «имѣетъ предметомъ одни отношенія поступка къ дѣйствующему лицу и его душевному строю».

Наши нравственныя убѣжденія и рѣшенія — плодъ, обыкновенно, долгихъ исканій и тяжелыхъ усилій. Извѣстно изреченіе Сократа, что добродѣтель есть знаніе и ей можемъ научиться. Какъ трудно бываетъ иногда рѣшиться на что-нибудь опредѣленное! Кто не переживалъ минутъ, когда, кажется, дорога исчезаетъ подъ ногами и человѣкъ не знаетъ куда идти... Каждый самъ долженъ найти свое рѣшеніе, самъ снова стать на твердый и вѣрный путь.

На почвѣ этихъ исканій и усилій рождается чувство нравственной свободы человѣка, сознаніе того, что онъ не игрушка каждаго новаго впечатлѣнія, не рабъ другого человѣка, что его жизнь можетъ направляться и направляется свободно принятыми общими идеями и обдуманнѣйшими личными рѣшеніями... Въ этомъ смыслѣ совершенно вѣрно, что идеалъ освобождаетъ человѣка, такъ какъ онъ, напоминая ему о высокихъ постоянныхъ цѣляхъ жизни, отодвигаетъ на задній планъ интересы болѣе низкіе и временные, дѣлаетъ его гордымъ и самостоятельнымъ въ сношеніяхъ съ людьми, особенно съ тѣми, которые сами себя считаютъ и считаются другими — людьми сильными, могущественными.

Именно въ этомъ чувствѣ нравственной свободы черпали свои силы герои всѣхъ временъ. «Единственное», по словамъ Канта, «что можетъ на землѣ внушать уваженіе къ себѣ, это — нравственный законъ, который каждый носитъ въ душѣ».

V.

Несмотря на то, что мы слѣдуемъ имъ свободно, правила нравственности имѣютъ для насъ обязательное значеніе. Основаніе ихъ обязательности, основаніе нравственнаго долга — наше убѣжденіе въ томъ, что они ведутъ вѣрнымъ и прямымъ путемъ къ добру и благу, къ осуществленію тѣхъ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Никакого другого основанія ихъ обязанности нѣтъ и быть не можетъ. Но и этого одного совершенно достаточно.

Для человѣка, силы и способности котораго находятся въ равновѣсіи, понимать, хотѣть и дѣйствовать одно и то же. Понять лучшее, значить желать его, значить стремиться къ нему. Представленіе объ идеалѣ есть его уже первое осуществленіе. Человѣкъ, силы и способности котораго находятся въ равновѣсіи, не можетъ нарушить разъ сознанныхъ правилъ нравственности; онъ можетъ только отказаться отъ соблюденія однихъ, отжившихъ началъ, въ виду требованія другихъ, сознанныхъ имъ вновь, болѣе широкихъ и высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

Выполненіе нравственныхъ требованій вызываетъ въ нашей душѣ сознаніе цѣльности, силы, здоровья, чувство внутренняго равновѣсія и спокойствія духа. Наоборотъ, нарушеніе требованій совѣсти рождаетъ сознаніе внутренняго разлада, болѣзненнаго противорѣчія, чувство нарушенія естественной зависимости между сознаніемъ, волею и дѣятельностью. Разладъ этотъ — признакъ нарушенія равновѣсія силъ и способностей человѣка, болѣзненнаго раздвоенія личности.

Дѣйствительно, обратимся снова къ самимъ